Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Признаніе труженика.

По моей громадной толщинѣ
Люди ложно судятъ обо мнѣ.
Помню, разъ, четыре господина
Говорили: «вотъ идетъ скотина!
Видно, нѣтъ заботы никакой —
Съ каждымъ годомъ претъ его горой!»
Я совсѣмъ не такъ благополученъ,
Какъ румянъ и шаровидно тученъ;
Дочитавъ разсказъ мой до конца,
Содрогнутся многія сердца!
Для поддержки бренной плоти нуженъ
Мнѣ обѣдъ достаточный и ужинъ,
И чтобъ къ нимъ себя приготовлять
Долженъ я — гулять, гулять, гулять!
Чуть проснусь, не выпивъ чашки чаю,
«Одѣвай!» командую Минаю
(Адски глупъ и копотливъ Минай,
Да за то повязывать мнѣ шею
Допускать его я не робѣю;
Преданъ мнѣ безмѣрно негодяй)...
Какъ пройду я первыя ступени,
Подогнутся слабыя колѣни;
Стукотня ужасная въ вискахъ,
Потъ на лбу и слезы на глазахъ,
Словно кто свиститъ и дуетъ въ ухо,
И, какъ волны въ бурю, ходитъ брюхо!
Отошедши нѣсколько шаговъ,
Я совсѣмъ разбитъ и нездоровъ;
Сѣлъ-бы въ грязь, такъ жутко и такъ тяжко,
Да грозитъ чудовище Кондрашка:
И твердитъ, какъ Вѣчному Жиду,
Все: «Иди, иди, иди!»... Иду....
Кажется, я очень авантаженъ:
Хорошо одѣтъ и напомаженъ,
Трость въ рукѣ и шляпа на бекрень....
А терплю насмѣшки цѣлый день!
Изъ кареты высунется дама
И въ лицо мнѣ засмѣется прямо,
Крикнетъ школьникъ съ хохотомъ «ура!
Посмотрите, катится гора!»....
А дуракъ лакей, за мной шагая,
Уваженье къ барину теряя,
Такъ и прыснетъ!... Праздный балагуръ.
Срисовать въ альбомъ каррикатуръ
Наровитъ, рекомендуя дамамъ:
Любоваться «симъ гиппопотамомъ!»
Кучера по своему острятъ:
«Этому» — мерзавцы говорятъ —
«Еслибъ въ брюхо и попало дышло,
Такъ насквозь оно бы, чай, не вышло!»...
Такъ извнѣ насмѣшками язвимъ,
Изнутри изжогою палимъ,
Я бреду.... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смѣхъ мужчинъ и дамъ нарядныхъ тряпки,
Экипажи, вывѣски, друзья, —
Ничего не замѣчаю я!...
Наконецъ.... Счастливая минута!...
Скоро пять — невѣдомо откуда
Силы вдругъ возьмутся.... Какъ зефиръ
Я лечу домой, или въ трактиръ,
Или въ клубъ.... Теперь я живъ и молодъ.
Я легокъ: я ощущаю голодъ!...
Ахъ, повѣрьте, счастіе не въ томъ,
Чтобъ блистать чинами и умомъ,
Наше счастье бродитъ межъ холмами,
Въ бурой шкурѣ, съ дюжими рогами!...
Впрочемъ, мнѣ распространяться лѣнь....
Дней моихъ хранительная сѣнь,
Здравствуй клубъ! Почти еще ребенокъ,
Въ первый разъ, и худощавъ, и тонокъ,
По твоимъ ступенямъ я всходилъ:
Ты меня взлелѣялъ и вскормилъ!
Честь тебѣ, твоимъ здоровымъ блюдамъ!...
Если кто тебя помянетъ худомъ,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Уголокъ покойный и отрадный!
Сколько разъ, въ часъ бури безпощадной,
Думалъ я, дремля у камелька:
«Жизнь моя пріятна и легка,
Кто нибудь теперь отъ стужи стонетъ,
Кто нибудь въ сердитомъ морѣ тонетъ!
Кто нибудь дрожитъ: а надо мной
Вѣтерокъ не пролетитъ сквозной....
Сколькихъ ты пригрѣлъ и упокоилъ
И въ объемѣ, какъ меня, устроилъ!
Для какого множества людей....
Замѣнилъ семейство и друзей!....
. . . . . .